

Социалист, писатель, врач:
семиотика поведения и нарративные инстанции
в мемуарах Д. Д. Ахшарумова

А. Е. Козлов

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Аннотация. Представлены предварительные результаты исследования нарративной организации автобиографического сочинения писателя и мемуариста Дмитрия Дмитриевича Ахшарумова. Нарратив рассматривается в статье как семиотическая проекция речевого поведения.

Являясь доктором медицины, увлеченным исследователем гигиены и психологии человека, Ахшарумов соединяет в своем повествовании несколько значимых инстанций: 1) *социалист-жертва*, показывающий происходящее как становящееся, процессуальное, значимое в онтологическом и социальном смысле; 2) *писатель-мемуарист*, представляющий минувшее как фактическое и результативное событие, значимое в первую очередь в коммуникативном смысле; 3) *дистанцирующийся врач*, диагностирующий социальное и коммуникативное и выносящий свой независимый вердикт. Наблюдения представлены в сводной таблице, созданной по аналогии с «ячейками» таблицы Ф. Лежена.

Совмещая три повествовательные инстанции в своих воспоминаниях, Ахшарумов создает синтетический текст, который, отражая литературную

Козлов А. Е. Социалист, писатель, врач: семиотика поведения и нарративные инстанции в мемуарах Д. Д. Ахшарумова // Критика и семиотика. 2017. № 1. С. 250–262.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2017. № 1
© А. Е. Козлов, 2017

традицию, в то же время открывает экзистенцию человека, оказавшегося в одиночном заключении.

Ключевые слова: Ахшарумов, семиотика поведения, автобиография, русская литература XIX века, вторичность и альтернативность, нарративная организация текста.

УДК 821.161.1 + 821.0

Контактная информация: Козлов Алексей Евгеньевич, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе ИФМИП НГПУ (ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия, alexey-kozlof@rambler.ru)

Семиотика поведения петрашевцев (так называемых «первых русских социалистов») заслуживает особого внимания в плане изучения дискурса оппозиционности XIX – начала XX в. и основных нарративов, формирующихся в автобиографических текстах и мемуарах. К тому времени, когда в «Русской старине», «Историческом вестнике» и «Вестнике Европы» были опубликованы воспоминания участников кружка М. В. Буташевича-Петрашевского, в русской мемуарной литературе сформировались своеобразные «дискурсивные практики» повествования, концептуализирующие противостояние героя и власти. Кажется знаменательным, что при декларативном признании виновности и осуждении вольномыслия, записки, становясь литературным фактом, не понижали гражданского пафоса и не омрачали созданного героического ореола.

Большинство осужденных петрашевцев или проходящих по делу М. В. Буташевича-Петрашевского, сообщали своим воспоминаниям аксиологическое наполнение. Русские фурьеристы, называемые *бедными идеалистами* (А. И. Пальм), *честными фантазерами* (И. И. Венедиктов), *несчастливыми, заживо погребенными в мрачной могиле* (А. И. Пальм), в то же время уповающими на то, что *честный смелый голос найдет путь к сердцу царице* (И. Л. Ястржембский), предстают в своих мемуарах жертвами самодержавия. Многие петрашевцы в своих записках декларативно отказываются от следования сколько-нибудь самостоятельной политической программе, некоторые из них уделяют значительное место критике учения Фурье, а также насмешливо и сатирически описывают споры, проходящие на вечерах Петрашевского. Так, из признательных показаний Достоевского следует, что «...в обществе, которое собиралось у Петрашевского не было ни малейшей целостности, ни малейшего единства ни в мыслях, ни в направлении мыслей. Казалось, это был спор, который начался один

раз с тем, чтобы никогда не кончиться»¹ [Достоевский, 1994, с. 229]. Организатор знаменитых пятниц и автор резонансного «Карманного словаря иностранных слов» М. В. Петрашевский предстает в воспоминаниях его «соратников» фигурой страдательной, однако порою и анекдотической. Именно таким выглядит бытовавший анекдот об отчислении Петрашевского из Царскосельского лицея (другой вариант анекдота – о речи Петрашевского, прозвучавшей на выпускном вечере и снижавшей интерес со стороны правительства) или о фаланстере Петрашевского, якобы открытого крестьянами в одном из его поместий. В. Р. Зотов, рассказывающий этот анекдот в своих мемуарах, завершает его словами Петрашевского: «Приезжаю рано утром и нахожу на месте моей фаланстерии одни обгорелые балки. В ночь они сожгли ее со всем, что я выстроил и купил для них» [Первые русские социалисты, 1984, с. 102].

Среди подобных нарративов, созданных в разное время не только для легальной, но и для эмигрантской печати (в частности, «Колокола» А. И. Герцена), особое место занимают воспоминания Д. Д. Ахшарумова, написанные им в конце XIX в. (опубликованы в 1905 г.; републикация под заглавием «Записки петрашевца» (1935); приводятся в сокращении в антологии «Первые русские социалисты» (1984)). Д. Д. Ахшарумов, член дворянской семьи, был человеком разносторонних знаний и интересов – в 1847 г. он окончил университет, и, судя по его воспоминаниям, блестяще владел турецким языком; уже после своего освобождения из арестантских херсонских рот он получает второе университетское образование и в скором времени становится доктором медицины. Тем не менее опыт минувшего не был забыт, и к концу своей жизни Ахшарумов принимается за мемуары. Он трижды оставляет работу, пока, наконец, не создает цикл своих воспоминаний. Структурно воспоминания распадаются на несколько частей: 1) пребывание в одиночной камере Алексеевского рavelина; 2) казнь петрашевцев; 3) путешествие «за казенный счет» в херсонские арестантские роты; 4) описание быта арестантов. Знаменательно, что во всех переизданиях начиная с 1930 г., два последних эпизода элиминировались, таким образом, в центре записок оказывалось противостояние человека и власти, предельно обостренное в описаниях одиночного заключения.

Характеризуя среду «первых русских социалистов» (по выражению самого мемуариста, «в смысле тогдашнего идеального направления различ-

¹ Еще более емкую характеристику петрашевцев дает А. И. Герцен: «Круг этот составляли люди молодые, даровитые, чрезвычайно умные и чрезвычайно образованные, но нервные, *болезненные* и *поломанные*. В их числе не было ни кричащих бездарностей, ни пишущих безграмотностей, – это явления совсем другого времени, но в них было что-то *испорчено, повреждено*» [1956, с. 108].

ных социальных учений» [Ахшарумов, 1905, с. 20]²), Ахшарумов подчеркивает особую роль общества, к которому он принадлежал до катастрофы конца 40-х гг.: «...мы были произведения образованного класса земли русской – эндатические растения страны, в которой мы рождены... Наш маленький кружок, сосредоточившийся вокруг Петрашевского в конце 40-х годов, носил в себе зерно всех реформ 60-х годов»³ (с. 16). Мысль о провиденциальном значении деятельности петрашевцев вступает в явное противоречие с другим утверждением – о незначительности совершенных преступлений и неоправданно жестоком наказании, постигшем молодых фурьеристов.

Ахшарумов соединяет в своем повествовании несколько значимых инстанций, которые исходя из позиционирования, аксиологического наполнения и дистанцированности от происходящих событий, кажется целесообразным назвать *социалист-жертва*, *писатель-мемуарист*, *врач-диагност*. Оговоримся, что соотношение этих инстанций закреплено в двух первых условно выделяемых частях; после объявления приговора их жесткая соотнесенность снимается.

1. *Социалист-жертва*. Как и большинство декабристов, как и Герцен в «Былом и думах», Ахшарумов, мало чем отличаясь от других петрашевцев, последовательно проводит мысль о своей невинности. Игнорируя «отягчающие обстоятельства» (свидетельства других участников процесса, в действительности оговаривающих друг друга) и практически умалчивая о набросках речи, наполненной фурьеристской метафорикой, Ахшарумов возводит частную ситуацию к общим следствиям, представляя в то же время своеобразной жертвой обстоятельств.

Выступая в воспоминаниях идеалистом филантропического склада, Ахшарумов многократно анализирует свои социальные взгляды: «Я смотрел на жизнь со своей идеальной точки зрения; а в размышлениях моих стремился найти истинный путь ко всеобщему благу человечества, – и вот, как государственный преступник, за эти помышления мои был я обвинен и заключен в каземат» (с. 77).

Так констатируется принадлежность к миру идей; конфликт выстраивается через несоответствие внутренней интенции и деятельности окружающего мира. Спекуляция повествователя, безусловно, заключается в искажении причины заключения (за участие в тайном обществе, т. е. в публичной деятельности, ≠ за эти помышления).

² Далее мемуары Д. Д. Ахшарумова цитируются по этому изданию, в круглых скобках указаны номера страниц.

³ Ср.: «...только горсть людей, совершенно ничтожных, большей частью молодых и безнравственных, мечтала о возможности поправить священнейшие права религии, закона, собственности» (Русский инвалид. 1849. № 276 (сообщение правительства от 22.12.1849), цит. по: [Политические процессы..., 1907, с. 6–7].

Основная интенция говорящего, представляющего в срединном интенционном поле автора и героя, заключается в безусловном оправдании себя и своих соратников: «Многие из взятых, говорил я сам себе, будут оправданы и освобождены, но мне не оправдаться, – уже слишком много найдется улик, – в сущности *ничтожных*, ничем меня *не порочащих*, но по тогдашним взглядам *считавшихся* тяжеловесными и вполне достаточными для обвинения меня в государственном преступлении. Это было время сороковых годов, когда вполне законными признавалось крепостное право, закрытый суд присяжных, телесное наказание, и всякий разговор об уничтожении рабства и введении лучших порядков считался нарушением основных законов государства» (с. 8). В выстраиваемой апологии большую роль играют определения и словосочетания с оценочной семантикой (*ничтожных*, *не порочащих*, *тогда считавшихся* и пр.), особая игра с внутренней и внешней речью социалиста. Заметим, что экзегетическое и диегетическое прошедшее предстают в данном фрагменте рассогласованно: вводя комментарий, смотря на происходящее из другой эпохи, Ахшарумов мысленно (при этом мыслями человека 40-х годов!) применяет современную аксиологию к явлениям прошлого: «Теперь прошло уже 35 лет, и я спрашиваю себя, в чем же тогда состояла моя вина и за что был я так внезапно схвачен, как преступник, и посажен в крепость. Всякое деяние человека может быть оценено различно, смотря по периоду времени, строю жизни, общественной среде и месту, где оно совершается. То, что в 49-м году вменялось нам в вину и за что, после восьмимесячного одиночного заключения, полевым уголовным судом мы были приговорены к смертной казни расстреливанием, – в настоящее время показалось бы мало важным и не заслуживающим никакого преследования...» (с. 15).

Таким образом, взгляд на минувшее из настоящего, позволяет вывести людей, вещи и идеи за пределы идеологического поля. В то же время, рассказывая о следственном процессе, Ахшарумов вводит мнение Я. И. Ростовцева – человека другого поколения, нейтрально смотревшего на происходящее: «Ахшарумов, мне жаль вас. Я знал вашего отца, – он был заслуженный генерал, преданный государю, а вы сын его, сделались участником такого дела!..» (с. 34). Звучащий упрек разрешает иллюзию невинности, столь тщательно утверждаемую в диегетическом нарративе. Кроме того, Ахшарумов умалчивает о том, с какими словами он обратился к следственной комиссии и императору⁴.

Не вызывает сомнений, что заключение в Петропавловской крепости стало для Ахшарумова травматическим опытом, который он преодолевал

⁴ «Государь мой! Прости меня! Увлеченный чтением непозволенных книг, в заблуждении, в моих мыслях даже осуждал я тебя, писал безрассудные бессмысленные слова, прости мне их в память заслуг отца моего» [Дело петрашевцев, 1937–1951, т. 3, с. 56]. По-видимому, интонация униженного просителя мало коррелировала с выстраиваемым типом поведения.

в течение жизни. На протяжении первой части записок возникает характерная устойчивая параллель между психологическим состоянием заключенного (называемое в тексте *верчением в себе*) и местом его заключения: «Не зная куда приютиться – и в мыслях моих, и в жилище моем, – я заплакал и стал молиться; несколько минут стоял я на коленях и горько плакал, опустившись на пол» (с. 3); «На душе было также душно, как и в комнате. Я отворил форточку, повеяло чистым воздухом» (с. 23). Такой синкретизм, в сущности, предельное слияние пространства и экзистенции героя, разрешается обретением иного пространственного и идейного предела. Обреченный социалист начинает грезить о Сибири как итоге своего страстного пути: «Каторжная работа, ссылка в Сибирь, казались мне величайшим и единственно возможным будущим моим счастьем, и с трепетом сердца я жаждал скорейшего окончания нашего дела. Я уже был порядочно замучен, и на лице моем не могли не отпечататься следы ужасной зевоты и судорожного смеха» (с. 89); «там отдохну я от этого одиночества! И выживу срок, может быть, не столь продолжительный и буду жить поселенцем в Сибири, стране хвальной столь многими, оттуда вернувшись»⁵ (с. 89).

Выявленные особенности названного регистра позволяют интерпретировать происходящее как становящееся, процессуальное, значимое в онтологическом и социальном смысле. Указанная инстанция определяется «горизонтальной» дихотомией *я / мы* (в отличие от других, управляемых действительным *я*) и «вертикальной» дихотомией *прошлое / настоящее*. Так, уже на первых страницах записок, соотнося актуальное и мемуарное время, Ахшарумов утверждает, с одной стороны, интеллектуальную ценность поисков осужденных членов кружка Петрашевского и, с другой стороны, незначительность результатов этих поисков. С точки зрения социалиста-жертвы, происходящее несло событийный потенциал, однако не стало событием. Такое позиционирование заставляет вспомнить допросное дело А. Н. Радищева: «Проходя сочинение мое беспристрастно и находя в оном дерзновенные выражения, я вопрошаю сам себя: для чего его писал. Глас внутренний уверяет меня, что я того не мыслил, и что, гоняся за пустою славою прослыть писателем, писал»⁶ [Шигин, 1867, с. 35].

2. *Писатель-мемуарист*. Письменная фиксация в тексте «Воспоминаний» является нарративной скрепой, соединяющей биографическое время

⁵ Такие рассуждения о Сибири, как правило, не были свойственны людям 40-х годов. Полноценное формирование нового стереотипа было связано с утверждением в массовом сознании идей Достоевского, представленных им в художественной форме в «Записках из мертвого дома».

⁶ Существование Радищева в сознании петрашевцев безусловно. Так, в частной переписке А. Плещеева находим: «Мне очень жаль, что я продал свой овчинный дубленый тулуп; может быть, меня взяли бы изображать город *Клин* или *Вышний Волочок*» [Дело петрашевцев, 1937–1951, т. 2, с. 39].

диегетического повествователя с нарративным экзегетическим временем. Мемуары открываются шаблонным патетическим восклицанием: «Воспоминания былого лежат у меня на сердце. Принимаясь за эти строки, я исполняю мое давнее желание, которое откладывал все в ожидании более спокойного времени, но оно не настает. Это прожитое мною не представляет чего-либо особенного, но на долю мою выпали тяжелые, очень тяжелые годы» (с. 1).

Каждый акт письма становится в мемуарах нарративно значимым: в частности, герой-Ахшарумов пишет признательные показания, письма родным и стихотворения, используя в качестве инструмента письма обломок ржавого гвоздя. Можно констатировать, что письмо в мемуарном мире предстает фактическим и результативным событием, значимым в первую очередь в коммуникативном смысле. Именно на этом уровне происходит выделение *я* из *мы*, единичное *я* повествователя наделено безграничными возможностями писания и творчества.

В то же время при создании мемуаров над Ахшарумовым, по всей видимости, довлела и более частная задача: оправдать свои признательные показания, в некотором роде скорректировать свою репутацию. Естественно, сгущение красок одиночного заключения позволяло усилить, интенсифицировать независимое впечатление читателя, выстроить дополнительные психологические мотивировки. Ахшарумов представляет практически гамлетовскую ситуацию, внезапно возникающую перед героем: «Бумага лежала на столе, – писать или не писать?» (с. 35); «И, признавая себя виновным письменно и мысленно, написал, по правде сказать, о себе много лишнего, чего бы вовсе не следовало писать, но я был очень упавши духом и испуган смертной казнью. Окончил я мое писание несколькими строками, обращенными к государю, в которых я изъяслял искреннее мое во всем раскаяние и просил о прощении моей вины, но я не могу не прибавить теперь, что я постыдно лгал на себя, так как по совести не чувствовал за собой никакой вины» (с. 37). Аналитическое чтение последнего фрагмента позволяет выявить очевидное содержательное противоречие: диегетический нарратор признает свою вину и оговаривает себя, в то время как экзегетический констатирует ложность такой посылки. В этом и подобных фрагментах, связанных с ситуацией письма, категория истины оказывается релятивной и неопределенной. В то же время через письмо Ахшарумов синхронизирует два повествовательных плана: «Такова была моя письменная апология, составленная под страхом насильственной смерти. После этого прошло уже слишком 35 лет, и вот я стою перед концом моей жизни и пишу рукопись о былом – как мою исповедь!» (с. 37).

Иная, близкая к авантюрному (или рыцарскому) роману, ситуация связана с письмом, которое Ахшарумов-герой перебрасывает через решетку возлюбленной своего единомышленника: «...я отодрал заглавный лист, почти свободный от печати, лист Ювенала, на веленовой бумаги и пишу

гвоздем предполагаемое письмо. Речь из глубины души сама выливается на бумагу, железный карандаш, как электрический проводник, быстро чертит все тончайшие представления мозгового аппарата; легко, как слезы, льются горькие слова из сердца, переполненного темничною тоскою» (с. 77). Следует отметить повышенную семиотичность данной ситуации. Бумага, избранная героем, – не белый лист, не вальтер-скоттовский роман (вскользь упомянутый на страницах мемуаров), а страница из Ювенала, – что аккумулирует семантику оппозиционности, представляет соединение частной и общественной конфликтной ситуации. Вместе с тем именно через ситуацию письма судьба социалиста-жертвы аранжируется исповедальными мотивами.

Другой, не менее важный сюжет, актуализирующий этот мотив, – писание стихотворных текстов. Несмотря на иронический комментарий, сопровождающий эти тексты (ср. с комментарием оды «Вольность» в «Путешествии из Петербурга в Москву»), Ахшарумов приводит их полностью или цитирует значительные фрагменты. В тексте воспоминаний приводятся несколько стихотворных текстов, написанных, как правило, в подражание Пушкину («В пустыне знойной я лежал без чувств, немой») и Лермонтову («Гора высокая, вершина чуть видна»), метафорика которых обусловлена фурьеристской концепцией действительности. При очевидном лукавстве экзегетического нарратора (стихотворения, оставшиеся на стенах «кельи», буквально воспроизводятся в мемуарах), Ахшарумов показывает особое состояние, в котором он пребывает. Переход от прозы повседневного одиночного заключения к поэзии отчаяния обладает повышенным событийным потенциалом. В сущности, таким образом констатируется экзистенциальный предел («много раз впадал в стихотворный бред»), невозможность фиксации происходящего как эпически-событийного; в этот момент наиболее точную фотографию сознания позволяют сделать стихотворные тексты (и их лирические сюжеты).

Событие письма образует нарративную рамку, соединяя разные временные пласты, являясь способом содержательной и событийной синхронизации. «Закрыв глаза и оглохнув ко всему окружающему, только и возможно прозреть давно минувшее и в ярких цветах восстановить поблекшие, чуть заметные образы, занесенные пылью и пеплом сгоревших, прожитых четырех десятков лет. Они лежат, как бы зарытые глубоко в земле, захлопнутые тяжелою, едва ли приподнимаемую моею слабою рукою крышкою гроба, запечатанного навеки» (с. 114), – письмо становится способом раскрытия «гроба» памяти, экстумацией воспоминаний, находящихся в толще забвения.

Таким образом, рассмотренная инстанция позволяет представить минувшее как фактическое и результативное событие, значимое в первую очередь в коммуникативном смысле. В то же время письменная фиксация, как

и любое действие в диегетическом мире, подвергается рефлексии более сложного уровня, связанного с врачебной диагностикой и психологией.

3. *Диагностирующий врач.* Наблюдатель, применяющий к происходящим событиям свою особую оптику, маркирован в тексте экзегетическим нарратором, существующим исключительно вне повествуемого события. Диагностирующий социальное и коммуникативное и выносящий свой независимый вердикт врач-Ахшарумов выступает в роли ученого-комментатора, сосредоточившего свое внимание на внутреннем мире пациента: «...записки выражают мрачное, экзальтированное, болезненное состояние человека, истомленного долгим одиночным заключением за стремление выйти из безобразной душевной окружающей нас общественной среды» (с. 2).

В начале своих записок Ахшарумов ставит вопрос: «Стоит ли описывать это однообразное, мучительное верчение в себе самом и тесной клетке моего темничного заключения? Изучение последовательных изменений в состоянии души и тела, наступающих у одиночно заключенных на продолжительные сроки, составляет высокий интерес для ученого психолога и психиатра, но наблюдать их не удалось еще никому, – их только знают и чувствуют на себе сами заключенные, а затем, если они и возвращаются...» (с. 24).

Таким образом, задается еще одно измерение, тесно связанное с прагматикой письма, – писать, записывать означает фиксировать и анализировать свой опыт, который можно распространить на подобных больных, т. е. вывести явление из сферы единичного, сделав его типичным. В этом отношении текст перестает быть отражением прошлого и опыта прошлого, представляя ряд врачебных наблюдений, диагнозов и констатаций: «Зевота, громкая, продолжительная, с судорожным раскрытием рта, нападала на меня приступами много раз в день, и она с тех пор отчасти осталась у меня и на всю жизнь. Я и теперь зеваю не так, как цельные, здоровые люди, зеваю ежедневно более или менее часто и продолжительно и никак не могу избавиться от этой развившейся у меня в тюрьме привычки. По временам нападала на меня приступами жестокая тоска и истерический хохот, при котором я почти всегда сидел на полу» (с. 68); «Вспоминая теперь все со мною происходившее в эту памятную ночь, я вижу ясную картину острой гиперемии мозга, развившейся вследствие душевного возмущения предшествовавшего дня и затем благополучно миновавшей» (с. 98); «...можно ли привыкнуть к жестокому лишению свободы и полной изоляции ото всего живого мира, не выработав в себе особый мозговой аппарат, подавляющий все желания живого существа?» (с. 89).

Впоследствии, создавая «Поэму о рождении, жизни и смерти человека», Ахшарумов продемонстрирует тот же неудовлетворительный в эстетическом, но исчерпывающий в прагматическом смысле прием освещения

ситуации ⁷. Заметим, что этот регистр маркируется медицинским дискурсом, связанным исключительно с экзегетическим нарратором.

Таким образом, можно констатировать, что три данные инстанции, взаимно дополняя друг друга, демонстрируют разную степень, разный уровень вовлеченности в событие или, словами В. Шкловского, разную степень остраненности действительности. Конечно, нарративные инстанции воспоминаний Ахшарумова не существуют автономно, представляя сложное перетекание, переключение повествовательных регистров, часто осуществляемое в пределах абзаца, сложных синтаксических целых, значительно реже – в пределах одного предложения.

В сущности, многозначность повествуемого и повествующего субъектов, прослеживающаяся по тексту (особенно в первой части воспоминаний), позволяет говорить о трансформируемых актантах ситуации, каждый из которых обладает своим семантическим, синтаксическим и прагматическим значением. Сводя данные инстанции к семантическому примитиву [Лежен, 2000], получим следующее:

Семиотический тривий / нарративная инстанция *	Социалист Д	Писатель Д/Э	Врач Э
Семантика (S)	свидетель	наблюдатель	диагност
Синтактика (O)	доказательство	память	диагноз
Прагматика (P)	опыт	фиксация	результат

* Д – диегетический нарратор, Д/Э – диегетически-экзегетический нарратор, Э – экзегетический нарратор. Заметим, что диегезис и экзегезис в настоящем исследовании соответствуют понятиям ассоциированной и диссоциированной наррации. Семантика в таблице соотносима со значением субъекта (S), синтактика – с объектным значением его действия (O), а прагматика соответствует направленности действия, предикату высказывания (P).

Для современников Ахшарумова, прочитавших его мемуары в поворотный для страны 1905 г., особое значение могло иметь описание одиночного заключения героя. Вряд ли будет преувеличением утверждение, что, кроме Ахшарумова, никто из петрашевцев или проходящих по делу М. В. Буташевча-Петрашевского, не описывал детально и подробно этот эпизод. И. Л. Ястржембский, проходящий по делу несостоявшихся декабристов 1849-х гг., писал о заключении кратко, всеми силами показывая, что выразить на бумаге данные впечатления ему не под силу.

⁷ Представляя в поэме во всех подробностях роды, наблюдаемые группой студентов, Ахшарумов пользуется сходной метафорикой, благодаря чему заключение в утробе матери, как заключение человека в одиночной камере, разрешается его появлением на свет или освобождением.

Наибольшей оригинальностью в этом контексте обладает первая часть воспоминаний. Фактически останавливаясь на времени своего одиночного заключения, воспроизводя мельчайшие эпизоды, связанные с этим временем, Ахшарумов создает ряд фотографий своего психологического состояния, запечатлевает экзистенцию арестанта в сложнейших ракурсах и состояниях, показывает сознание заключенного как сложное динамическое явление, существующее в постоянном колебании между сном и реальностью. Этот опыт мог быть воспринят не только публицистической и мемуарной, но и собственно художественной литературой.

Далее, рассказывая о своем пребывании в херсонских арестантских ротах, Ахшарумов фактически цитирует «Записки из мертвого дома» Ф. М. Достоевского. Детали арестантского быта, с поистине физиологической точностью представленные Достоевским, транспонируются Ахшарумовым в текст воспоминаний. Совпадают даже ключевые эпизоды, связанные с рождеством (как и у Достоевского, описана баня, которая, как и в оригинале, сравнивается с адом) и пасхой. Таким образом, хотя для мемуаров Ахшарумова Достоевский – абсолютно фоновая фигура, в них очевидно следование траектории сюжета, впервые начертанной именно им. По-видимому, можно констатировать особую роль прецедентного текста: когда яркие художественные образы, соединившись с реальными впечатлениями, вытеснили или трансформировали их, произошла нейтрализация индивидуального опыта и его адаптация к прецедентному общекультурному тексту. С другой стороны, индивидуальный опыт, представленный Ахшарумовым в тексте воспоминаний, мог повлиять (и, скорее всего, повлиял) на моделирование сходной экзистенциальной ситуации в художественной литературе первой трети XX в.⁸

Таким образом, совмещая три повествовательные инстанции в своих воспоминаниях и выстраивая своеобразную семиотику поведения через разноудаленные нарративы, Ахшарумову удается создать синтетический автофикциональный текст, который, отражая и воспринимая литературную традицию, в то же время открывал экзистенцию героя-революционера, представляющего безусловной жертвой политического режима.

⁸ Есть основания предполагать типологическую взаимосвязь мемуарного сюжета Ахшарумова и последовавших по цепной реакции рассказов: «Божеское и человеческое» Л. Н. Толстого (1906) и «Рассказ о семи повешенных» Л. А. Андреева (1908). Ветвление этого сюжета может быть рассмотрено и на большей историко-литературной перспективе, однако следует констатировать, что наивысшей точкой, «вспышкой», после которой очевидно погасание ахшарумовского сюжета, стало «Приглашение на казнь» В. Набокова» (что определялось биографическими обстоятельствами писателя (И. А. Набоков был комендантом Петропавловской крепости и входил в комиссию, решавшую судьбу петрашевцев)).

Список литературы

- Ахшарумов Д. Д.* Из моих воспоминаний (1849–1851). СПб.: Изд. «Общественной пользы», 1905.
- Герцен А. И.* Былое и думы // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 8.
- Достоевский Ф. М.* Объяснения и показания Ф. М. Достоевского по делу петрашевцев // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. Л.: Наука, 1994. Т. 12.
- Дело петрашевцев: В 3 т. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1951.
- Лежен Ф.* В защиту автобиографии. Эссе разных лет // Иностранная литература. 2000. № 4.
- Политические процессы николаевской эпохи. Петрашевцы. М.: Изд. В. М. Саблина, 1907.
- Первые русские социалисты / Сост. Б. Ф. Егоров. Л.: Лениздат, 1984.
- Шигин Н. А.* Александр Николаевич Радищев // Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1867.

Article metadata

Title: Socialist writer doctor as narrative instances in Dmitry Aksharumov's memoirs

Author: A. E. Kozlov

Author's e-mail: alexey-kozlof@rambler.ru

Author affiliation: Novosibirsk State Pedagogical University

Abstract. The article is devoted to preliminary results of investigation of narrative organization of Dmitry Dmitrievich Aksharumov's memoirs (in the soviet variants "Notes of Petrashevets"). The narrative is considered in the article as a semiotic projection of verbal behavior.

For the contemporaries of Aksharumov, who read his memoirs in the year 1905 turning the year for the country, the description of the solitary confinement of the hero could play special significance. It is hardly an exaggeration to say that nobody except Aksharumov, none of the Petrashevists, or those who are in the case of M. V. Butashivch-Petrashevsky, did not describe this episode in detail.

In the article the full entire text of memories is considered for the first time, and not individual chapters, as was done in the previous tradition.

As a medical doctor, an enthusiastic person hygiene and psychology researcher joins Aksharumov in his narrative several significant instances: 1) socialist; 2) writer 3) doctor. The observations presented in the summary table, created by analogy with the "cells" F. Lejeune table.

The first role – a socialist and a republican – involves criticizing the social ideas of the 1840s, exposing imperial power and its terror, representing oneself

as a victim. It seems interesting that the socialist presents himself in the diegetic narrative as a victim of the imperial regime and power. At the same time, this level is accumulated intertext from the fiction (crime novels and other) to memoirs of oppositionist. The real experience is inextricably linked with the literary (from the "Count of Monte Cristo" A. Duma to "The Last Day of the Man Sentenced to Death" V. Hugo).

The second role is actualized by the exegetical level connecting the plan of the memory and the writing plan, the storytelling event and the event being told. This level is associated with the so-called therapy of writing. Moving away from the memory, hiding behind the border of the created text, the writer creates a therapeutic distance.

The final role – the role of the doctor and scientist – turns the object and subject of the narrative into an object of observation. The past is not only appropriated by this integration, but also becomes an inseparable part of social experience, which is interpreted within medical discourse. Actually stopping at the time of his solitary confinement, reproducing the smallest episodes associated with this time, Akhsharumov creates a series of photographs of his psychological state, captures the existence of the prisoner in the most complex perspectives and states, shows the prisoner's consciousness as a complex dynamic phenomenon existing in a constant swing between sleep and reality. This experience could be perceived not only by journalistic and memoirs, but also by fiction literature.

Combining three narrative instances in his memoirs Akhsharumov creates synthetic text which, on the one hand, reflecting the literary tradition, while at the same time opens up human existence, caught in solitary confinement.

Key terms: Akhsharumov, semiotics behavior, autobiography, Russian literature of the XIX century, secondary and alternative, narrative organization of the text.

Reference literature (in transliteration):

Akhsharumov D. D. Iz moih vospominanij (1849–1851). Saint Petersburg: Izd. «Obshhestvennoj pol'zy». 1905.

Delo petrashevcev: V 3 t. M., L.: Izd-vo AN SSSR, 1937–1951. Vol. 1–3.

Dostoevskij F. M. Objasnenija i pokazanija F. M. Dostoevskogo po delu petrashevcev. Dostoevskij F. M. Collected works: V 15 t. Leningrad, 1994. Vol. 12.

Gercen A. I. Byloe i dumy. Gercen A. I. Collected works: V 30 t. Moscow, 1956. Vol. 8.

Lejeune P. V zashhitu avtobiografii. Jesse raznyh let. Inostrannaja literatura. 2000. № 4.

Pervye russkie socialisty. Sost. B. F. Egorov. Leningrad.: Lenizdat, 1984.

Politicheskie processy nikolaevskoj jepohi. Petrashevcy. Moscow: Izd. V. M. Sablina, 1907.

Shigin N. A. Aleksandr Nikolaevich Radishhev. Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu. Saint Petersburg, 1867.